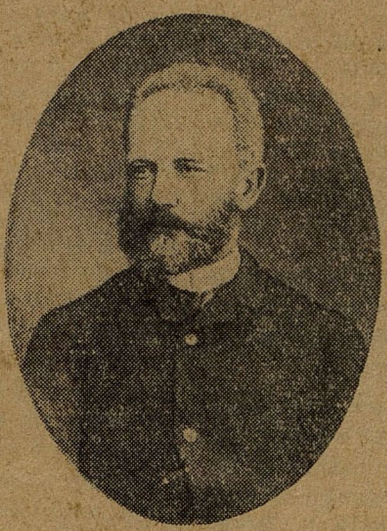
Советская Литва
г. Вильнюс

3 АПРЕЛЯ 1956 г., № 79 (3885).

Три письма П. И. Чайковского

В небольшой уютной комнате работника «Литовэнерго» Владимира Александровича Жуковского на видном месте висит пожелтевший от времени фотопортрет великого русского композитора Петра Ильича Чайковского. Рукой Петра Ильича на фотографии сделана надпись: «Юлии Осиповне Чистяковой — П. Чайковский. 4 марта 1885 года». Рядом на столике лежит альбом. В нем, как священная реликвия, хранятся три письма Чайковского, фотографии Антона и Николая Рубинштейнов, диплом об окончании Московской консерватории, выданный скрипачу Котеку в мае 1876 года. На дипломе подписи — директора консерватории Н. Рубинштейна, профессоров П. Чайковского, И. Гржимали и других.



История этих писем такова:

В Вильнюсе проживала семья Котека — любимого ученика Петра Ильича Чайковского. Между профессором и учеником еще в стенах консерватории установились самые дружеские отношения. Котек был скрипачом-виртуозом, восторженно относился к произведениям своего учителя.

По окончании Московской консерватории Котек поехал в Берлин совершенствовать свое мастерство.

За границей Чайковский часто встречался с Котеком. В конце февраля 1878 года Петр Ильич приехал в Кларанс (Швейцария). Вскоре туда прибыл и Котек. Здесь великий русский композитор создал свое бессмертное произведение — концерт для скрипки с оркестром. В письме к брату Анатолию 6 марта 1878 года Петр Ильич писал: «Все утро сидел за скрипичным концертом, который начал вчера, и до такой степени увлекся, что бросил покамест сонату. Хочу воспользоваться присутствием Котека здесь. Это будет для меня новая и трудная работа, но зато и интересная». 22 марта Петр Ильич снова пишет Анатолию Ильичу: «Котек успел переписать скрипичную партию концерта и перед обедом мы ее сыграли. Успех был громадный. В самом деле, Котек сыграл так, что хоть публично бы сейчас же исполнить...».

Как известно, Петр Ильич учел замечания Котека и своего брата Модеста Ильича о том, что первый вариант анданте написан неудачно, и, к их удивлению, в один день написал новое анданте.

Петр Ильич Чайковский был хорошо знаком с родными Котека — его сестрами, жительницами Вильнюса Юлией Иосифовной Чистяковой и Евгенией Иосифовной Жуковской. Три письма, хранящиеся у Владимира Александровича Жуковского, адресованы его бабушке — Евгении Иосифовне Жуковской и ее сестре. В одном из писем Петр Ильич сообщает Евгении Иосифовне печальную весть о последних днях жизни Котека.

«Многоуважаемая Евгения Иосифовна. Я написал Вашему батюшке те немногие подробности о последнем времени жизни Вашего брата, которые мне были известны и страшно мне сообщить их Вам. Впрочем могу вкратце сказать Вам, что Осип (Котек) прошлой весной заболел воспалением легких, был по выздоровлении отправлен в Рейхенгаль — в Тироль, там снова заболел и ему посоветовали на зиму поселиться в Давосе в Швейцарии, в горах. Я навестил его в этой местности в начале ноября. Он страдал ежедневно лихорадкой, кашлем, но был довольно бодр, делал со мной прогулки, имел хороший аппетит и сон. Я провел там неделю и уехал, надеясь вполне, что он выздоровеет. После того я еще имел от него несколько писем очень веселых и бодрых, но, приехав в Москву в половине декабря, получил известие, что его сразило новое воспаление, а вскоре после того пришла телеграмма о его смерти. На днях я получил письмо от живущей в Давосе русской дамы госпожи Гулак-Артемовской, которая ежедневно навещала больного. Письмо это посылаю Вашему батюшке и прошу переслать его Вам. Я принимаю живейшее участие в Вашей горести и для меня смерть Вашего брата есть такая утрата, что я никогда не примирюсь с ней.

Искренне преданный Вам П. Чайковский.

Москва, 8 января 1885 года».

Петр Ильич Чайковский глубоко скорбел по поводу утраты одного из своих лучших друзей. В своем автобиографическом описании путешествия за границу в 1888 году он сообщает: «Читатель, быть может, заметил, что о пребывании моем в Берлине я говорю не так охотно и подробно, как бы можно было того ожидать ввиду громадного значения этой столицы в германском мире, но на то имеется веская причина, которую я сейчас объясню. Дело в том, что как быть в Берлине, так и писать о нем мне тяжело и больно. В моем сердце еще слишком живы воспоминания о невознаградимой утрате, понесенной мной в лице покойного И. И. Котека, моего ученика, а впоследствии ближайшего друга, проведшего последние 8 лет своей жизни в Берлине и составившего себе в этом городе блестящее, высокое положение. Я ежедневно встречался с людьми, среди коих покойный проводил жизнь свою; многие из них, подобно мне, были связаны с ним теснейшей дружбой; ежеминутно я сталкивался с обстоятельствами или предметами, живо напоминавшими отошедшего друга, растравлявшими еще далеко не зажившую рану... Время есть единственный целитель подобных ран, но нужно много, очень много времени, чтобы примириться с смертью молодого, полного сил и энергии, даровитого человека».

Евгения Иосифовна Жуковская умерла четыре года назад в Вильнюсе в возрасте 90 лет. Она часто рассказывала своему внуку Владимиру Александровичу Жуковскому, всем родным о незабываемых встречах с Петром Ильичем Чайковским, о большой и искренней дружбе композитора с ее братом — Котеком.

Г. ПРАВДИН,
Л. КОПЕЛЕВ.

НА СНИМКЕ: портрет П. И. Чайковского, подаренный им сестре Котека Юлии Чистяковой.